
В тени М.В. Фрунзе и В.И. Чапаева: деятельность Г.Х. Эйхе в апреле–июне 1919 г.

Роман Бадиков

In Chapaev and Frunze's shadow: G.Kh. Eyche from April to June of 1919
Roman Badikov (South Ural State University, Russia)

Контрнаступление Южной группы армий Восточного фронта (апрель–июнь 1919 г.) – одна из ключевых стратегических операций РККА периода Гражданской войны, и значение её в контексте противостояния армии Советской России и вооружённых сил белых во главе с адмиралом А.В. Колчаком общеизвестно. Различие оценок исследователей состоит, вероятно, только в интерпретации итогов операции: от умеренной (красные окончательно вырвали наступательную инициативу из рук противника в восточной части страны)¹ до неоднозначной (контрнаступление положило начало «разложению» армии Колчака, обеспечило полный разгром «колчаковщины»)².

По аналогии с рядом иных крупных кампаний того периода рассматриваемые события подверглись в советское время исторической мифологизации, причём не меньшей, чем «каноничные» эпизоды обороны Царицына (1919) или штурм Перекопа (1920). Образ конкретных фактов во многом опирался на феномен персональной мифологизации и гипертрофированной героизации некоторых красных военачальников, в числе которых – командующий Южной группой армий Восточного фронта М.В. Фрунзе и начальник входившей в её состав 25-й стрелковой дивизии В.И. Чапаев. Стратегический успех контрнаступления было принято и связывать, и всецело ассоциировать с их именами. Квинтэссенцией подобного ангажированного подхода явился тезис советского военного теоретика А.Н. Боголюбова: успех этой операции объяснялся тем, что её «разработал и блестяще провёл пролетарский полководец Михаил Васильевич Фрунзе... Ближайшими помощниками в выполнении этой операции у тов. Фрунзе были народный герой Василий Иванович Чапаев и большевистский комиссар Дм. Фурманов»³. Закреплению в массовом сознании подобного видения исторических событий способствовали усилия творческого сообщества⁴, под влиянием которого по сей день остаётся и значительная часть сообщества научного.

© 2016 г. Р.А. Бадиков

¹ Гражданская война. 1918–1921. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной Армии. М.; Л., 1930. С. 195; Н.Г. Оперативная история 5-й армии (историческая справка) // Красная Армия на Востоке (Иркутск). 1922. № 7. С. 13.

² Зайончковский А.М. Восточный фронт. Контрманёвр Южной группы. Апрель–май 1919 года // Сборник трудов Военной академии. 1926. Кн. 1. С. 4; Новицкий Ф.Ф. Контрудар по Колчаку (1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 10. С. 30.

³ Боголюбов А.Н. Разгром Колчака. Оперативно-стратегический очерк / Издание Учебного отдела Академии Генерального штаба РККА. М., 1939. С. 101.

⁴ Роман Д.А. Фурманова «Чапаев», художественные фильмы «Чапаев» (1934), «Гроза над Белой» (1968) и др. явились лишь некоторыми, наиболее известными производными этих усилий.

В сложившейся уже к началу 1930-х гг. мифологизированной картине естественным образом не оставалось места иным командирам, внёсшим наряду с указанными лицами решающий вклад в дело поражения белых в ходе контрнаступления. В первую очередь речь идёт о талантливом военачальнике, «красном латыше» Генрихе Христофоровиче Эйхе, руководившем в тот период 26-й стрелковой дивизией, входившей в состав 5-й армии Южной группы. Признанный герой 5-й армии времён Гражданской войны⁵, друг В.К. Путны и К.А. Неймана, знакомый М.Н. Тухачевского, он разделил участь своих боевых товарищей, будучи репрессированным в эпоху «большого террора». В 1938–1956 гг. Эйхе находился в лагерях и ссылке. Возвратившись в Москву, он посвятил остаток жизни научной работе, стал одним из известных историков Гражданской войны. И если права советская исследовательница А.Г. Липкина, писавшая, что в 1930–1950-х гг. имя Эйхе было вычеркнуто из истории Гражданской войны⁶, то в той же степени справедливо будет отметить, что оно не вернулось туда и по сей день. В новейшей отечественной историографии его военная деятельность остаётся своеобразной *terra incognita*.

В рамках контрнаступления Южной группы армий Восточного фронта вверенной Эйхе 26-й стрелковой дивизии отводилась роль ударной группировки армейского масштаба. Действуя в тесном взаимодействии с войсками Чапаева, она вынесла на себе основную тяжесть наступательных боёв на ключевом, центральном, участке оперативного построения Южной группы. К середине мая 1919 г. усилиями частей Эйхе были заняты ключевые пункты обороны белых – Бугуруслан, Сергиевск, Бугульма. В начале июня фланговая поддержка со стороны его дивизии, разгромившей группировку правого крыла Западной армии белых (составной части вооружённых сил Колчака), оказалась ключевым фактором, позволившим соединению Чапаева выполнить задачу по овладению Уфой, что привело к логическому завершению контрнаступления. Оперативно-тактические успехи 26-й стрелковой дивизии в исследуемый период в значительной степени явились следствием грамотной организации её войсковой подготовки и боевого применения со стороны Эйхе. Однако до сих пор воинский коллектив дивизии и её начальник продолжают пребывать в тени признанных «героев» операции – М.В. Фрунзе, В.И. Чапаева, Д.А. Фурманова и др.

Впервые в отечественной историографии действия Эйхе в русле рассматриваемой стратегической операции были оценены российским историком В.О. Дайнесом⁷, ограничившимся, правда, лишь простым признанием достоинств начдива. Данная статья – первый опыт специального исследования деятельности Эйхе как начальника 26-й стрелковой дивизии 5-й армии в апреле–июне 1919 г.

С назначением Эйхе на этот пост (16 апреля)⁸ связывались перспективы крупных положительных изменений в масштабе соединения. Прежде всего подобной оценки придерживался новый командующий 5-й армией Тухачевский, сменивший 5 апреля занимавшего эту должность Ж.К. Блюмберга⁹. Командарм

⁵ Буторов. Герои 5-й армии // Красная армия на Востоке (Иркутск). 1922. № 7. С. 16–17.

⁶ Липкина А.Г. 1919 год в Сибири. М., 1962. С. 227–228.

⁷ Дайнес В.О. Чапаев: биографический очерк. М., 2010. С. 254.

⁸ Ранее Эйхе с 7 ноября 1918 г. пребывал в должности командира 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии.

⁹ РГВА, ф. 1317, оп. 2, д. 28, л. 29.

был убеждённым сторонником идеи продвижения на ответственные армейские посты представителей молодого командного состава из числа членов РКП(б) для замещения кадровых «военспецов». Свои взгляды Тухачевский изложил в докладе, основное содержание которого можно свести к трём тезисам: «подготовленный командный состав... имеется лишь среди молодого офицерства»; «нужно... бросить лозунг о переходе к коммунистическому командному составу»; «неспособные военспецы... должны отстраняться. Их места занимают молодые и способные революционные начальники»¹⁰. Исходя из указанных положений, выдвижение Эйхе в ранг дивизионного командира вместо военспеца, бывшего полковника М.С. Матиясевича, проявившего себя весной 1919 г. не лучшим образом, представляется вполне логичным актом. Ровесник командарма, бесспорно, вписывался в данную концепцию – с одной стороны, как опытный военачальник, не связанный продолжительной службой имперскому режиму¹¹, с другой – как верный, испытанный член партии большевиков с 1917 г.

Однако постановление РВС 5-й армии о его назначении вместо Матиясевича («нервно заболел») вышло ещё 25 марта, а Эйхе вступил в должность начальника дивизии только в период пребывания Тухачевского на посту командарма¹². С приходом нового командующего и начавшейся ротацией состава РВС армии перспективы «повышения» Эйхе (ещё не вступившего в должность) оставались неопределёнными. В данном случае последнее слово было именно за Тухачевским: он, не будучи ещё близко знакомым с Эйхе, тем не менее подтвердил назначение бывшего комбрига начальником ключевого соединения армии.

Между тем нельзя не отметить: вопреки распространённой точке зрения дивизионным командиром во всей полноте данного статуса Эйхе на первых порах не был¹³. С 16 по 28 апреля в оперативных документах он упоминался лишь как «временно командующий» дивизией. Первый приказ по войскам дивизии (№ 29/о), в котором Эйхе официально назван начдивом, был подписан

¹⁰ Цит. по: Тухачевский М.Н. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 28, 30.

¹¹ Г.Х. Эйхе был мобилизован в октябре 1914 г.; с 28 мая по 15 августа 1915 г. проходил обучение в 3-й Петергофской школе прапорщиков (РГВИА, ф. 409, д. 184844, л. 174–174 об.); с конца августа 1915 г. – в действующей армии; в феврале 1917 г. – подпоручик, начальник команды конных разведчиков 245-го пехотного Бердянского полка 62-й пехотной дивизии 10-й армии (Западный фронт); в период службы награждён орденами Св. Анны 4-й степени, 3-й степени с мечами и бантом, 2-й степени с мечами, Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и 2-й степени с мечами (РГВА, ф. 37976, п/с. № 263-911, л. 1 об.).

¹² Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее – ОПИ ГИМ), ф. 602, д. 405, л. 201. Принятие решения о снятии Матиясевича с поста начдива следует связывать с телеграммой № 850, направленной Председателем РВС РСФСР Л.Д. Троцким в этот же день (25 марта) в адрес РВС 5-й армии. В ней, в частности, указывалось: «Несмотря на строжайший приказ, Уфимский мост остался невзорванным. Полки армии продолжают бессмысленно постыдно отступать. Предлагаю установить виновников сохранения Уфимского моста, предать их суровой каре... О всех смещённых... командирах... прошу сообщить» (International institute of social history. Collection «L.D. Trockij. International Left Opposition Archives». Inv. Nr. 800). Учитывая, что указанный мост находился в полосе ответственности 26-й стрелковой дивизии и его подрыв, безусловно, должны были перед уходом из Уфы осуществить подчинённые Матиясевича, Троцкий недвусмысленно указывал на необходимость применения дисциплинарных мер в первую очередь по отношению к начальнику дивизии, что и было сделано.

¹³ См., например: Дашков С. О командарме Пятой // Сибирские огни. 1974. № 2. С. 152; Čehlovs A. Armijas komandiera liktenis // Horizonts. 1988. № 2. Lpp. 18; Купцов И.В., Мусеев А.П. Эйхе Генрих Христофорович // Челябинская область: энциклопедия. Т. 7. Челябинск, 2006. С. 466.

только 29 апреля¹⁴. Следовательно, несмотря на оказанное доверие перспективному военачальнику, Тухачевский, по-видимому, не исключал сценария, при котором могла произойти его замена (например, в случае обнаружения неподготовленности к командной работе в дивизионном звене). В данном ключе кратковременный период пребывания в положении «временно командующего» дивизией, определённо, имел для Эйхе значение «испытательного срока».

Вновь обретенный служебный статус действительно явился серьёзной проверкой сил, способностей и военно-организаторских навыков Эйхе. 26-ю стрелковую дивизию он возглавил в исключительно сложное время. Под давлением сил III Уральского горных стрелков корпуса Западной армии белых, развивавших наступление на Самару, к переправам в среднем течении Волги, расстроенные войска дивизии в середине апреля 1919 г. продолжали беспорядочно откатываться на запад, вдоль железной дороги Самара–Бугуруслан. Средняя суточная величина их отступательных маршей составляла 12–15 км¹⁵. Многодневные безуспешные бои и безостановочный отход, начавшийся ещё в первых числах апреля, до крайности усугубили морально-психологическое состояние личного состава дивизии, свели на нет проведение целенаправленной военно-учебной, политической работы в её рядах и ослабили дисциплину¹⁶. Эйхе впоследствии вспоминал: «Люди были сильно утомлены. Части потеряли более половины командного состава. Были полки, насчитывавшие не более 300–400 человек. Из них половина не имела шинелей и обуви, на ногах солдат были лапти»¹⁷.

Ответственность за состояние дел в дивизии требовала от начдива принятия безотлагательных решений, направленных на восстановление боеспособности её частей. В первую очередь необходимо было изменить настрой лиц командного состава дивизии, многие из которых не были склонны к введению жёсткой дисциплины среди красноармейцев. Адресованные им «внушения» содержались в одном из первых приказов Эйхе (№ 19/о от 17 апреля 1919 г.): «За последние дни в частях вверенной мне дивизии имели место случаи, когда отдельные роты и даже целые полки самовольно оставляли занимаемые ими позиции не под давлением противника, а по причинам... не могущим служить оправданием для таких самочинных действий. Указанное явление... вносит беспорядок... и лишает меня возможности управлять войсками. Командиры полков и бригад в таких случаях ограничиваются только тем, что доносят мне о произошедшем, не принимая достаточно энергичных мер для пресечения подобных явлений. Считаю подобные явления и такое отношение ответственных лиц командного состава... недопустимыми. Требую от всех командиров принятия исключительных мер к недопущению подобного рода явлений и пресечения в корне таких преступных действий вплоть до применения силы оружия. Предупреждаю, что в случае самовольного оставления позиций, я буду беспощадно расправляться со всеми виновниками и ответственными лицами команд-

¹⁴ РГВА, ф. 1317, оп. 2, д. 28, л. 89–90.

¹⁵ Шведов И.С. Разгром 5-й армии // Сборник трудов военно-научного общества. Кн. 3. М., 1922. С. 53.

¹⁶ По сообщению командующего Восточным фронтом С.С. Каменева в адрес главнокомандующего всеми вооружёнными силами РСФСР И.И. Вацетиса, отправленному не позднее 6 апреля, «дивизия настолько расстроена, что она нуждается в отводе в тыл» (Цит. по: Директивы Главного Командования Красной Армии (1917–1920): Сборник документов. М., 1969. С. 551).

¹⁷ Эйхе Г.Х. Фланговый марш // Военный вестник. 1968. № 1. С. 13.

ного состава, не принявшими соответствующих мер и тем способствующими ещё большому осложнению и ухудшению положения нашей дивизии»¹⁸.

Не ограничиваясь письменным предупреждением, Эйхе предпринял ряд инспекционных поездок в наименее устойчивые части и подразделения. С этого момента в ряде сводок, отразивших состояние личного состава 26-й стрелковой дивизии, стал упоминаться некий «заградительный» отряд дивизионного подчинения¹⁹. По-видимому, на него начдив возложил чрезвычайные функции борьбы с распространением дезертирства и паники.

Спустя короткое время мероприятия дивизионного командования (оперативные, организационные, дисциплинарные и т.д.) привели к стабилизации состояния дивизии. К 23 апреля её силы закрепились на рубеже с. Ишуткино²⁰ – д. Мочалеевка – с. Малый Толкай – с. Лозовка, стойко сдерживая наступательные действия белых²¹. Боеспособность дивизии на тот момент существенно возросла благодаря усилению её состава маршевыми пополнениями из Центральной России. Как свидетельствовал военный комиссар дивизии Н.К. Гончаров, «подъёму настроения... содействовало прибытие хороших пополнений из Москвы. Например, 20 апреля прибыли отряд коммунистов и Интернациональная рота... и тут же выступили на позиции»²². В дивизию возвращались красноармейцы, ранее выбывшие из строя вследствие ранений, за счёт чего, в частности, был усилен 233-й полк 3-й бригады, почти не получивший свежих пополнений²³.

В целом к 25 апреля, накануне контрнаступления Южной группы армий Восточного фронта, боевой состав дивизии удалось увеличить до 3 912 штыков и 97 сабель при 2 бронепоездах, 12 орудиях и 94 пулемётах²⁴. До этого (18 марта) её управлению в оперативном отношении была подчинена 1-я бригада (командир К.А. Нейман) 27-й стрелковой дивизии²⁵, численность войск которой (с внештатным Сергиевским полком) составила 1 379 штыков и 34 пулемёта²⁶. Таким образом, к концу месяца в распоряжении Эйхе состояла многочисленная и сложно организованная войсковая группа, включавшая 13 стрелковых полков силой в 5 291 штык и 128 пулемётов при ранее указанном количестве сабель, бронепоездов и артиллерии.

Южная группа армий (1, 4 и 5-я Туркестанские армии) под командованием Фрунзе была образована в составе Восточного фронта 5 марта 1919 г. с целью нанесения решительного поражения силам Западной армии белых (командующий генерал от артиллерии М.В. Ханжин), вплотную приблизившимся к Самаре и стратегическим переправам в среднем течении Волги²⁷.

¹⁸ РГВА, ф. 1317, оп. 2, д. 28, л. 34.

¹⁹ См.: ГА РФ, ф. Р-130, оп. 3, д. 443, л. 24.

²⁰ Ныне с. Мордово-Ишуткино Иса克林ского района Самарской обл.

²¹ Боголюбов А.Н. Указ. соч. С. 57.

²² Гончаров Н.К. На разгром Колчака // Москвичи на фронтах гражданской войны. Воспоминания. М., 1960. С. 247–248.

²³ Ваврженкевич. От Свияжска до Тобола (из истории 233-го полка) // Бои за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредительской и колчаковской контрреволюцией. М.; Л., 1926. С. 97.

²⁴ Подсчитано по: РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 143, л. 2.

²⁵ Исторический очерк 27-й Омской стрелковой дивизии РККА. М.; Пг., 1923. С. 49.

²⁶ РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 143, л. 2.

²⁷ Подробнее см.: Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 127–132; Какурин Н.Е. Как сражалась революция: В 2 т. Изд. 2, уточн. Т. 1. М., 1990. С. 169–176.

Боевая задача 26-й стрелковой дивизии на раннем этапе контрнаступления заключалась в овладении районом Бугуруслана. Исходя из оперативного замысла Фрунзе, дивизия в составе войсковой группы правого крыла 5-й армии должна была «28 апреля... атаковать противника с фронта... дабы, разбив его, отбросить к северу (от Бугуруслана. — *Р.Б.*)»²⁸. В уточнённом виде задача дивизии отражена в приказе командующего 5-й армией № 1/н от 25 апреля 1919 г.: предписывалось «активно обороняясь левым флангом... (в районе с. Сергиевск. — *Р.Б.*)», перейти «правым флангом... 28 апреля в решительное наступление (на Бугуруслан. — *Р.Б.*) с целью отбросить противника в северо-восточном направлении»²⁹.

Реализация поставленной задачи представляла для Эйхе сложность. Ему предстояло развернуть боевую активность дивизии на двух расходившихся оперативных направлениях — на Бугуруслан (правофланговая 3-я бригада) и на с. Сергиевск (левофланговые 1-я бригада 26-й и 1-я бригада 27-й дивизий) при одновременном выводе наиболее сильной 2-й бригады (1 727 штыков) в резерв 5-й армии³⁰.

Наибольшая угроза устойчивости дивизии на тот момент исходила от второстепенного — сергиевского — направления. На следующий день после получения Эйхе приказа № 1/н, 26 апреля, крупные силы белых, оперировавшие в этом районе (4-я Уфимская дивизия II Уфимского корпуса), захватили Сергиевск, расположенный в 86 км к северо-востоку от Бугуруслана. В последующие дни, охватывая левый фланг 26-й стрелковой дивизии, они предприняли стремительное наступление на юг, к железнодорожной станции Кротовка, где размещался штаб 5-й армии³¹.

Принимая во внимание спектр негативных последствий дальнейшего продвижения противника к югу от Сергиевска, Эйхе решил взять на себя ответственность за управление войсками на этом участке фронта. В период между 26 и 29 апреля из дивизионного штаба (станция Толкай) он прибыл в расположение развёрнутых на сергиевском направлении левофланговых бригад дивизии, где активно включился в их боевую работу, проявив качества незаурядного «пехотного вождя». В то же время непосредственное руководство наступлением на Бугуруслан начдив поручил командиру 3-й бригады И.Н. Гаврилову (один из немногих случаев, когда Эйхе в ранге начдива осознанно отказался от личного контроля над боевым применением войск, задействованных в атаке на главном направлении). Следует признать, что Эйхе имел для этого достаточно оснований: 31-летний Гаврилов обладал богатым служебным и жизненным опытом; призванный в армию в 1909 г., он в течение четырёх лет Первой мировой войны находился на фронте; в 1917 г. командовал отдельной пулемётной ротой при 52-й запасной пехотной бригаде в звании штабс-капитана; после вступления в РККА не менее полугода руководил Вольской стрелковой дивизией в ходе боёв в Нижнем и Среднем Поволжье в сентябре 1918 — феврале 1919 г.³² Столь

²⁸ Цит. по: Из истории гражданской войны в СССР: Сборник документов: В 3 т. Т. 2. М., 1961. С. 168.

²⁹ РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 143, л. 2.

³⁰ Болтин Е.А. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919 г.). М., 1949. С. 70–71.

³¹ История гражданской войны в СССР. 1917–1922: В 5 т. Т. 4. М., 1959. С. 104.

³² Государственный архив Волгоградской области, ф. Р-105, оп. 1, д. 112, л. 88–88 об.

опытный командир в то время был редкостью для 26-й стрелковой дивизии и в целом для РККА³³.

Наступательными действиями 3-й бригады в направлении Бугуруслана Гаврилов до определённого момента руководил успешно. В результате ряда боевых столкновений с силами 7-й Уральской горных стрелков дивизии белых 28–30 апреля красные заняли шесть населённых пунктов, в том числе станцию Похвистнево, д. Петровка³⁴, д. Чекалинский³⁵. Но при выдвижении бригады на подступы к Бугуруслану Гаврилов допустил крупную тактическую ошибку. Приняв решение сходу форсировать р. Большой Кинель, он не провёл рекогносцировку и разведку противоположного берега. В итоге силы 234-го полка, начавшие переправу «вслепую» утром 1 мая 1919 г., подверглись перекрёстному артиллерийскому обстрелу белых. Полк понёс крупные потери и отошёл на исходные позиции³⁶. Попытка комбрига вновь форсировать реку в ночь на 2 мая также завершилась неудачей³⁷, после чего он доложил о происшедшем начдиву Эйхе и запросил у него помощи.

Реакция Эйхе, находившегося в левофланговых частях дивизии, последовала незамедлительно. При посредничестве начальника штаба дивизии Ф.В. Егорова он передал командиру бригады приказ приостановить форсирование до новых указаний. Соответствующие указания и инструкции Эйхе решил сообщить Гаврилову лично. Не успев, таким образом, завершить планирование наступления на Сергиевск, начдив в срочном порядке выехал на противоположный правый фланг, в район Бугуруслана. Такой шаг, на первый взгляд, представляется излишне поспешным, если учесть, что обстановка на левом фланге дивизии 2 мая ещё оставалась угрожающей. Однако решение начдива было обдуманым волевым актом, так как, по-видимому, основывалось на его прогнозе в отношении дальнейшего развития ситуации на сергиевском направлении. В целом положительный прогноз Эйхе подтвердился в течение считанных дней, свидетельством чего явилось успешное занятие Сергиевска уже 5 мая войсками 1-й бригады 27-й стрелковой дивизии, находившейся в оперативном подчинении Эйхе. Таким образом, его отъезд в распоряжение испытывавшей кризис 3-й бригады, очевидно, не был связан с наличием у него некой внутренней дилеммы – Бугуруслан/Сергиевск.

Присутствие начдива в районе Бугуруслана было продиктовано ещё и потребностью выяснить реальный боевой потенциал 3-й бригады после неудачной переправы, а также определить на месте план её дальнейших действий. В войска бригады Эйхе прибыл 2 мая. Проведя краткую «разъяснительную» беседу с Гавриловым, он совместно с комиссаром дивизии Гончаровым и командирами бригады провёл рекогносцировку берега р. Большой Кинель, наметив места предстоящей переправы.

В тот же день усилиями Эйхе, Гаврилова и работников штаба 26-й стрелковой дивизии был разработан план операции по форсированию реки и взятию

³³ Значительный опыт в управлении боевыми единицами, имевшийся у Гаврилова, вместе с тем вряд ли мог компенсировать отсутствие у него теоретической военной подготовки. В чин офицера будущий комбриг в своё время был произведён «за боевые отличия», минуя обучение в школе прапорщиков или ином военно-учебном заведении.

³⁴ Ныне д. Петровки не существует; находилась в районе, расположенном восточнее с. Ахрат Похвистневского района Самарской обл.

³⁵ Ныне пос. Чекалинка Похвистневского района Самарской обл.

³⁶ Альтов В.Г. Бугуруслан. Челябинск, 1990. С. 77–78.

³⁷ Тарасов Е.П. Краском Генрих Эйхе. М., 1975. С. 60.

Бугуруслана, основанный на тактическом решении начдива. Для сведения к минимуму потерь личного состава он отказался от фронтального наступления на город (это предлагал командир 3-й бригады) в пользу идеи его глубокого обхода одновременно с юго-запада (1-я бригада Я.П. Гайлита) и юго-востока (3-я бригада Гаврилова)³⁸. Успех обходного манёвра позволял рассчитывать на охват, соответственно, правого и левого флангов бугурусланской группировки противника (части 6-й и 7-й Уральских горных стрелков дивизий) с последующим выходом в её тыловую полосу. Таким образом, в перспективе могла быть обеспечена задача не только овладения Бугурусланом (при наименьшем сопротивлении со стороны противника), но и нанесения общего поражения войсковой группировке белых, действовавшей на подступах к городу. Запись переговоров помощника командующего Южной группой армий Восточного фронта Ф.Ф. Новицкого с Тухачевским (3 мая 1919 г.) косвенно подтверждает, что идея Эйхе о консолидации 1-й и 3-й бригад для удара в направлении на Бугуруслан в указанном порядке была одобрена командармом либо, по меньшей мере, не встретила с его стороны противодействия³⁹.

События последующих дней показали, что замысел Эйхе был осуществлён почти в точном соответствии с его ожиданиями. Наступавшие левее города части бригады Гайлита, заняв к 3 мая д. Никольское⁴⁰ и д. Алькино, реализовали обходной манёвр вдоль долины р. Тергала. В то же время основные силы действовавшей правее Бугуруслана 3-й бригады (232-й и 233-й полки), навели мостовую переправу и форсировали р. Большой Кинель в районе д. Красный⁴¹ под непосредственным наблюдением Тухачевского⁴². К 3 мая её части достигли с. Лобовка и приступили к развёртыванию атаки на город с тыла. Так фланговый охват бугурусланской группировки белых из потенциально возможного стал реальным, что во многом предопределило исход сражения за Бугуруслан. Ввиду очевидной угрозы тактического окружения белые вынуждены были в ночь на 4 мая отвести 6-ю и 7-ю дивизии на север, в направлении Бугульмы⁴³. Утром 4 мая Бугуруслан заняли части 232-го стрелкового полка под командованием И.В. Заикина⁴⁴. В этот же день Тухачевский в своём приказе сообщил: «Части 3 корпуса противника, разбитые в районе Бугуруслана, отступают в северном направлении»⁴⁵. Факт потери белыми Бугуруслана штаб адмирала Колчака официально признал только спустя три дня, 7 мая⁴⁶.

Относительно причин успеха операции, необходимо отметить, что действия бригад 26-й стрелковой дивизии сопровождалась массированной артиллерийской поддержкой. Данному компоненту общевойскового боя Эйхе неизменно уделял внимание, будучи и комбригом, и дивизионным начальником. По его инициативе при каждой из бригад накануне начала операции была развёрнута мощная артиллерийская группа. Так, для обеспечения наступления 1-й бригаде придавались

³⁸ РГВА, ф. 1317, оп. 2, д. 28, л. 101.

³⁹ Там же, ф. 185, оп. 3, д. 176, л. 39.

⁴⁰ В оперативных документах 5-й армии именуется также как «Никольское (Похвистнево)».

⁴¹ Населённый пункт с таким названием фигурирует в оперативных документах 5-й армии. В данном случае речь идёт о с. Красноярка Бугурусланского района Оренбургской обл.

⁴² РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 176, л. 37.

⁴³ Огородников Ф.Е. Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938. С. 234.

⁴⁴ Краткий исторический очерк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Красноярск, 1925. С. 25.

⁴⁵ РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 143, л. 53.

⁴⁶ Освобождение России (Пермь). 1919. 9 мая.

3-я лёгкая батарея и бронепоезд, 3-й бригаде — две батареи (в том числе 2-я тяжёлая) и бронепоезд⁴⁷. Как вспоминал Н. Дмитриев, служивший тогда в 233-м стрелковом полку, «наше наступление совпало с началом весны. По дорогам, размытым ручьями, трудно было идти (так в тексте. — Р.Б.) пешком, ещё труднее артиллерии»⁴⁸. В подобной ситуации поддержка со стороны бронепоездов позволила нивелировать последствия распутицы и оперативно завоевать огневое превосходство на участке наступления пехоты до подхода основной массы артиллерии, сосредоточенной в батареях на конной тяге. Для выполнения этой задачи, а также для первичной организации контрбатарейной борьбы суммарной огневой мощи бронепоездов дивизии (6 орудий и 24 пулемёта) было вполне достаточно⁴⁹.

Операция по овладению Бугурусланом позволяет уточнить некоторые особенности военно-управленческого мастерства Эйхе. Прежде всего отметим присущее ему ещё с 1918 г. (в период командования Шихранским отрядом войск под Казанью) стремление присутствовать вблизи передовой линии вверенных ему сил во время развёртывания масштабных боевых действий. В случае с операцией на Бугуруслан Эйхе оставался верен этому принципу, незамедлительно выдвигаясь на наиболее кризисные, опасные участки фронта для стабилизации положения. Руководство войсками при этом начдив концентрировал непосредственно в своих руках путём развёртывания личного полевого штаба. В этом смысле Эйхе выгодно отличался от массы командиров РККА дивизионного звена, которые управляли боем, находясь на удалении 30–50 км от линии фронта, посещая войска зачастую только для «воодушевления» красноармейцев и инспектирования. В то же время начдив не был склонен к иной крайности, присущей «народным» и «пролетарским» командирам⁵⁰, которые лично участвовали в боях в качестве едва ли не рядовых красноармейцев с целью поддержания морального духа войск и усиления собственной «популярности» среди бойцов. Подобная линия поведения в представлении Эйхе была неприемлема.

По складу характера начдив относился скорее к типу командира-практика, для которого было важно воочию наблюдать за ходом выполнения войсками тактических установок и вносить при необходимости своевременные коррективы. Соответствующей линии управления он придерживался и в процессе развития наступления на бугурусланском направлении. В то же время опыт данной операции показал, что военачальнику в равной степени успешно удавалось и реальное боевое планирование, в том числе специфическое — огневое. Разрешение кризиса наступления на Бугуруслан, возникшего вследствие неудачи Гаврилова, в значительной мере следует приписать успешной реализации нетривиального оперативного плана Эйхе, который вновь отчётливо продемонстрировал приверженность важнейшей черте своего полководческого «стиля» — стремлению решить исход сражения посредством обходных манёвров и тактических действий на флангах войск противника при массовой огневой поддержке. Совершенно справедлива в этом плане точка зрения А.П. Моисеева, считавшего, что Эйхе «заслужил славу “обходного начдива”»⁵¹.

⁴⁷ Тарасов Е.П. Указ. соч. С. 62.

⁴⁸ Дмитриев Н. От Волги до Байкала. М., 1928. С. 16.

⁴⁹ РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 143, л. 54.

⁵⁰ Квинтэссенцией подобного типа красных командиров в известной степени были В.И. Чапаев, Н.А. Щорс, И.С. Кутяков, Г.Д. Гай, К.Е. Ворошилов, И.Р. Апанасенко и др.

⁵¹ Моисеев А.П. Эйхе Генрих Христофорович // Челябинск: энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 1056.

Взятие Бугуруслана знаменует собой коренной перелом в ходе весеннего наступления армий Колчака. Фурманов, военный комиссар 25-й стрелковой дивизии, развёрнутой за правым флангом войск Эйхе и содействовавшей им на бугурусланском направлении, отмечал: «Вместе с этим городом он (противник. — Р.Б.) потерял и свою инициативу, что конец пришёл его победоносному шествию»⁵².

Занятие 26-й стрелковой дивизией района Бугуруслана способствовало развитию успеха контрнаступления Южной группы армий Фрунзе. В оперативной сводке штаба группы за 5 мая отмечалось, что взятие города «открывает нам путь на Белебей и дальше на Уфу»⁵³. С этого времени действия красных приобрели более манёвренный характер. На первый план вышли императивы безостановочного преследования отступавшей на север и северо-восток Западной армии Ханжина с целью воспрепятствовать её закреплению на новом рубеже и пресечь попытки восстановления утраченных позиций на бугурусланском направлении. Первостепенное значение в контексте выполнения данной установки имели действия дивизии Эйхе, развёрнутой в центре оперативного построения 5-й армии. Путём поэтапного занятия намеченных командармом Тухачевским линий населённых пунктов⁵⁴ её частям предстояло, в сущности, взять на себя (во взаимодействии с наступавшей восточнее 25-й стрелковой дивизией Чапаева) основную тяжесть фронтального преследования группировки белых, начавшегося 6 мая вдоль тракта Бугуруслан–Бугульма.

Для наиболее эффективного преследования войск противника Эйхе внедрил в масштабе дивизии оригинальный тактический приём, который определялся им в воспоминаниях как «способ наносить удары перекатами». Нестандартность этого приёма позволила ряду отечественных исследователей рассматривать его как поучительный образец тактической «хитрости» и находчивости⁵⁵. Он предусматривал исходное построение дивизионных боевых порядков в два эшелона, каждый из которых включал по две бригады (бригадные тактические группы). В рамках отдельно взятых календарных суток эшелоны должны были последовательно сменять друг друга в наступлении, чередуя периоды боевой активности с отдыхом. Тем самым наступлению задавался весьма высокий темп при увеличении ежесуточной скорости продвижения войск дивизии до 20–30 км. Физические и морально-психологические силы личного состава при этом оставались на должном уровне.

Так, преследование группировки белых (7-я Уральская и 8-я Камская дивизии) вдоль тракта Бугуруслан–Бугульма (6–13 мая) в первый день велось в основном бригадами 1-го эшелона (1-я и 3-я бригады 26-й дивизии). К вечеру 6 мая, после выполнения задачи дня, они были размещены на ночлег. В этот момент функциональная задача преследования решением начдива была передана силам бригад 2-го эшелона (2-я бригада 26-й дивизии, 1-я бригада 27-й дивизии). Последним, как вспоминал Эйхе, предстояло «продолжать наступление ночью и тем самым не давать врагу возможность занять оборону, вырвать у нас инициативу, дать уставшим за день бригадам первой линии спокойно отдохнуть»⁵⁶. Выполнив соответствующую задачу и успешно продвинувшись

⁵² Фурманов Д.А. Чапаев. М., 1961. С. 171.

⁵³ Правда. 1919. 7 мая.

⁵⁴ Подробнее см.: РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 143, л. 54.

⁵⁵ См., например: Лобов В.Н. Военная хитрость в истории войн. М., 1988. С. 71.

⁵⁶ ОПИ ГИМ, ф. 602, д. 405, л. 235.

далее на север, бригады 2-го эшелона к утру 7 мая остановились на дневной отдых. При наступлении их сменили отдохнувшие за ночь войска 1-го эшелона, которые продолжили преследование противника с новыми силами. В аналогичном комбинированном формате действия 26-й стрелковой дивизии продолжались (с кратким перерывом, связанным с боями на рубеже р. Сок 9–11 мая) вплоть до выхода её сил к Бугульме, занятой 13 мая войсками подчинённой Эйхе 1-й бригады 27-й дивизии⁵⁷.

Успех применения дивизией тактики продвижения «перекатами» во многом был подготовлен спецификой оперативной конфигурации сил 5-й армии, сложившейся в период наступления на Бугульму. На центральном участке её построения – в районе оперирования 26-й стрелковой дивизии – благодаря усилиям армейского командования удалось создать исключительно высокую по меркам Восточного фронта оперативную плотность сил и средств за счёт сокращения полосы наступления дивизии до 45 км (линия д. Турханка⁵⁸ – д. Тергала⁵⁹ – с. Сосновка) и усиления её состава до 8 200 штыков. Большую роль в этом смысле сыграло своевременное вливание в дивизию добровольцев и мобилизованных Бугурусланского уезда. В среднем на 1 км фронта руководимых Эйхе частей приходилось около 182 штыков, 1.5 орудия и 3.5 пулемёта⁶⁰. Концентрация крупных войсковых масс в рамках сравнительно узкого коридора наступления обусловила дальнейшее разделение боевых порядков дивизии на два эшелона и, как следствие, в значительной мере предопределила саму возможность внедрения Эйхе способа «наносить удары перекатами».

Практика реализации этого способа представляет собой пример творческого использования начдивом объективных преимуществ текущей оперативной конфигурации вверенных ему войск, в первую очередь фактора высокой оперативной плотности сил и средств. Утрата данного фактора, вызванная увеличением протяжённости дивизионной полосы наступления в середине мая и выходом 1-й бригады Неймана из оперативного подчинения Эйхе, привела к отказу от дальнейшего применения указанного тактического приёма.

Последовательная реализация принятых Эйхе решений позволила дивизии в течение неполных десяти суток (с 3 по 13 мая) нанести крупное поражение бугурусланской группировке белых, состоявшей из частей 6-й и 7-й Уральских горных стрелков дивизий, а также сил 29-го Бирского и 30-го Арского полков 8-й Камской стрелковой дивизии. В территориальном отношении войскам Эйхе в тот период удалось очистить от белых обширные районы на севере и северо-востоке Самарской губ. и занять крупные города – Бугуруслан и Бугульму, прикрыв таким образом стратегические железнодорожные направления Самара–Бугуруслан и Симбирск–Бугульма. Инициатива на этом участке перешла к красным, и 17 мая РВС Восточного фронта с удовлетворением отметил, что «разбитые под Бугурусланом и Бугульмой части противника отходят в восточном направлении»⁶¹.

⁵⁷ Болтин Е.А. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта... С. 70–71.

⁵⁸ Ныне с. Турхановка Бугурусланского района Оренбургской обл.

⁵⁹ Ныне пос. Терегель Похвистневского района Самарской обл.

⁶⁰ В соответствующих подсчётах взят суммарный показатель численности боевого состава 26-й стрелковой дивизии (с подчинённой ей 1-й бригадой 27-й дивизии) на 5 мая в 8 201 штык (6 810 штыков основного состава плюс 1 391 штык маршевых пополнений, переданных Эйхе не позднее 4 мая), 29 орудий, 156 пулемётов (РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 143, л. 54).

⁶¹ Там же, ф. 106, оп. 1, д. 48, л. 68.

Стремительное отступление Западной армии на восток, к р. Белой, выдвинуло на повестку дня необходимость развития успеха Южной группы путём занятия её силами района Уфы. План соответствующей операции был разработан Фрунзе к 19 мая. Исходя из его замысла непосредственно на Уфу нацеливалась Туркестанская армия при фланговой поддержке развёрнутой левее 26-й стрелковой дивизии (5 900 штыков, 97 сабель, 19 орудий, 94 пулемёта)⁶². Действиям последней Фрунзе придавал особое значение, подчёркивая, что «операция прикрывается с севера 26-й дивизией»⁶³. Он подразумевал, что войска Эйхе реализуют функцию наступательного заслона, призванного в целом свести на нет любую боевую активность противника с северного направления во фланг Туркестанской армии. Иными словами, движением в направлении на д. Ахлыстино⁶⁴—Бирск 26-я стрелковая дивизия должна была обеспечить общую устойчивость левофланговых частей Туркестанской армии, сковать силы белых севернее Уфы, не давая им возможности нанести армии фланговый удар или перенести усилия в полосу её наступления, а также блокировать в среднем течении р. Белой фарватер военной флотилии противника, лишив её возможности участвовать в боях под Уфой, в том числе перебросить к городу водным путём оперативный резерв⁶⁵. Однако для реализации указанной миссии дивизии Эйхе предстояло сначала выполнить другую крупную задачу – форсировать р. Белую и закрепиться на её восточном берегу, прочно обороняемом противником.

В июне Белая стала ключевым препятствием на пути дальнейшего продвижения сил как Туркестанской армии, так и поддерживавшей её левый фланг 26-й стрелковой дивизии. На противоположном берегу реки держали оборону силы Западной армии белых. Главная задача армии, по мысли её начальника штаба генерал-лейтенанта К.В. Сахарова, состояла в том, чтобы «не пустить большевиков за реку, а в случае их переправы сбросить их и разбить по частям. Это представлялось тем более возможным, что Белая в этом месте – довольно серьёзная преграда»⁶⁶.

Сложность форсирования Белой стала очевидной для Эйхе, видимо, только 3 июня, когда части вверенной ему дивизии достигли намеченных пунктов переправ: 1-я бригада – с. Топорнино (32 км юго-западнее Бирска)⁶⁷, 3-я бригада – д. Ахлыстино (25 км южнее Бирска)⁶⁸. Данные пункты (намеченные

⁶² Рыбин Д. Уфимская операция 1919 г. // Сборник трудов военно-научного общества при Военной академии. Кн. 4. М., 1923. С. 37.

⁶³ Цит. по: М.В. Фрунзе на Восточном фронте: Сборник документов. Куйбышев, 1985. С. 132.

⁶⁴ Ныне с. Ахлыстино Кушнаренковского района Республики Башкортостан (далее – РБ).

⁶⁵ В этой связи несостоятельным представляется мнение А.В. Голубева, определившего рубеж 26-й стрелковой дивизии как «пассивный участок армии» (См.: Голубев А. Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года: рецензия // Военный вестник. 1928. № 19. С. 61). Все вопросы в отношении роли дивизии в наступлении на Уфу были сняты Д.И. Рыбиным ещё в 1923 г.: «Левый фланг (операции. – Р.Б.) обеспечивался 26-й стр. див. 5-й армии, которая активно (выделено мной. – Р.Б.) способствовала продвижению Туркармии и принимала... участие в Уфимской операции» (Рыбин Д. Указ. соч. С. 37). Отмечу, что его тезис следует рассматривать не только как точку зрения исследователя проблемы, но и как мнение непосредственного участника операции. В апреле–октябре 1919 г. он состоял помощником начальника штаба 25-й стрелковой дивизии Туркестанской армии.

⁶⁶ Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 105.

⁶⁷ Ныне с. Кушнаренково Кушнаренковского района РБ.

⁶⁸ Гайлит Я.П. Переправа через р. Белую 1-й бригады 26 стрелковой дивизии 5/VI 1919 г. // Военный вестник. 1922. № 11. С. 38.

Фрунзе и Тухачевским), как показала первичная рекогносцировка, проведённая начдивом совместно с командирами бригад Гайлитом и Гавриловым, по своим тактическим особенностям совершенно не подходили для организации форсирования. «От д. Ахлыстина до д. Топорнино (Покровское), — отмечал Эйхе, — наш берег был болотистый и совершенно открытый на протяжении 4–5 вёрст от реки..., возвышенности на правом берегу р. Белой в районе д. Соловьёвка давали противнику... превосходный обзор для обстрела»⁶⁹. Важно также отметить, что белые обеспечили прочное блокирование переправы у Топорнино, заблаговременно поставив здесь сторожевой заслон, усиленный артиллерией и пулемётными командами. В подобных условиях попытка переправиться на восточный берег Белой, которая на этом участке достигала ширины 280–300 м и глубины 2–4 м⁷⁰, была обречена на неудачу. В связи с этим возникла необходимость в выработке принципиально иного решения на переправу.

После проведения вторичной рекогносцировки Эйхе принял решение сместить центр тяжести переправы севернее, на участок 2-й бригады П.С. Мосолова (район д. Старое Баскаково)⁷¹. Начдив окончательно отказался от активных действий на невыгодной переправе у Ахлыстино и временно — до ликвидации угрозы со стороны сторожевого заслона белых — у Топорнино. Раскрывая условия принятия такого решения, военачальник впоследствии писал: «Рекогносцировка участка 2-й бригады дала более обнадеживающие результаты. Противник держал себя здесь пассивно, а наш берег давал много скрытых подступов (к реке. — *Р.Б.*)..., здесь не было того движения, которое постоянно привлекало внимание врага в районе Топорнино»⁷².

Очевидно, что Эйхе в какой-то степени удалось склонить на свою сторону Тухачевского. Находясь в Бугульме, командарм достаточно быстро внёс изменения в первоначальный приказ № 960/н от 21 мая, согласно которому 26-я стрелковая дивизия нацеливалась на переправу у Ахлыстино⁷³. Новым приказом № 1019/н от 4 июня командарм предписывал Эйхе «подготовиться к переправе через р. Белую уже в районе д.д. Топорнино (Покровское)—Ежова»⁷⁴. Таким образом, инициированный начальником дивизии перенос пунктов переправы к северу (вместо Ахлыстино — Топорнино к Топорнино — Старое Баскаково) был одобрен вышестоящим командованием.

Тем не менее назначить дату форсирования реки Тухачевский тогда не решился, ограничившись указанием вести до 7 июня подготовительную работу. Эйхе не мог принять перспективу столь длительной задержки, так как считал, что войска его дивизии уже в первых числах июня были готовы к преодолению водной преграды⁷⁵. В итоге начдив по собственному усмотрению и вопреки приказу командующего армией (по сути, грубое нарушение служебной субординации) назначил начало переправы на 5 июня.

Замысел операции 26-й стрелковой дивизии по форсированию Белой — очередной примечательный пример использования Эйхе тактики обходных дви-

⁶⁹ Эйхе Г.Х. Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 г. М.: Л., 1928. С. 37.

⁷⁰ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГА НО), ф. П-5, оп. 2, д. 1387, л. 15.

⁷¹ Ныне д. Старобаскаково Кушнаренковского района РБ.

⁷² ОПИ ГИМ, ф. 602, д. 405, л. 260, 261.

⁷³ РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 135, л. 64.

⁷⁴ Там же, д. 136, л. 18.

⁷⁵ ОПИ ГИМ, ф. 602, д. 405, л. 261, 262.

жений и фланговых манёвров. Первостепенное значение начальник дивизии придавал здесь действиям ударного тактического десанта 2-й бригады (батальон 230-го стрелкового полка). Под покровом темноты он должен был первым высадиться на восточный берег реки с переправы у д. Старое Баскаково, т.е. на том участке, где противник менее всего ожидал наступления. Таким образом, совершался фланговый обход группировки сторожевого охранения белых, позиции которой были развёрнуты южнее, на переправе у Топорнино. После захвата плацдарма на занятом противником берегу десантному батальону предстояло развить прорыв и нанести сосредоточенный удар во фланг упомянутой блокирующей группировке с последующим оттеснением её сил и средств от линии Белой, на восток⁷⁶.

Успех указанного частного наступления позволял, во-первых, «открыть» переправу 1-й бригады у Топорнино, обезопасив её от противодействия со стороны заслона белых, во-вторых, захватить находившиеся в этом районе паромы и баржи противника для организации на участке дивизии полноценной паромной переправы. На тот момент Эйхе не располагал табельными переправочными средствами (пontonными парками, разборными мостами, самоходными паромами и т.д.). В войсках дивизии находилось только несколько десятков рыбацких лодок, взятых по пути от Бугульмы, вместимостью 3–4 человека⁷⁷. Таким образом, действиями одной десантной группы 2-й бригады на данном этапе предопределялся общий успех или неудача переправы основных сил 26-й стрелковой дивизии.

В ночь на 5 июня ударная десантная группа 2-й бригады приступила к выполнению плана начдива. Скрытно переправившись через реку, отряд нанёс поражение силам 28-го Красноуфимского горных стрелков полка и создал крупный плацдарм на восточном берегу Белой. Исходная задача была выполнена. Вечером того же дня, перебросив на лодках 400 штыков с пулемётами, красные предприняли наступление во фланг группировке сторожевого охранения противника у Топорнино. Обозначившийся вскоре отход сил группировки противника с рубежа Белой позволил Эйхе ввести в операцию войска 1-й бригады. Под прикрытием десанта 2-й бригады, а также дивизионной артиллерии 1-я бригада частью сил 226-го и 227-го полков успешно форсировала реку с переправы у Топорнино и, следуя приказу начдива, развернула фронтальное наступление в направлении д. Калинники (27 км восточнее Топорнино)⁷⁸. В результате уже к рассвету 6 июня десантные группы обеих бригад продвинулись в глубь территории противника на 3–4 км, захватив два парома и три баржи⁷⁹. Оперативный замысел Эйхе был реализован. Контроль над рекой на участке дивизии полностью перешёл в руки красных. В тот же день Фрунзе отметил, что «26-я дивизия, перешедшая на правый берег р. Белая на участке ст. Баскаково — Топорнино, успешно продвигается вперёд и энергично теснит противника»⁸⁰.

Учитывая факт закрепления этой дивизии на восточном берегу Белой, 6 июня Фрунзе отдал приказ Туркестанской армии о развёртывании решительного наступления на Уфу⁸¹. Сообразно с этим усилилась и боевая активность

⁷⁶ Эйхе Г.Х. Форсирование реки Белой частями V армии... С. 39–40.

⁷⁷ Путна В.К. Восточный фронт. Штрихи. Изд. 2. М., 1959. С. 24.

⁷⁸ Гайлит Я.П. Указ. соч. С. 39.

⁷⁹ Тарасов Е.П. Указ. соч. С. 70.

⁸⁰ РГВА, ф. 106, оп. 3, д. 139, л. 87.

⁸¹ См.: Рыбин Д. Указ. соч. С. 53–54.

дивизии Эйхе, выполнявшей функцию наступательного заслона Туркестанской армии в ходе Уфимской операции. Развивая успех на переправе у Белой, она продвигалась на северо-восток и в ходе встречного боя 7 июня в районе с. Старое Петрово⁸² – д. Угузево нанесла крупное поражение ударной группе⁸³ III Уральского горных стрелков корпуса, которая по распоряжению Ханжина должна была разбить и отбросить за реку «противника, переправившегося у Печенкино, Топорнино»⁸⁴. На сторону красных при этом перешли два батальона 21-го Челябинского полка⁸⁵. На следующий день, 8 июня, преодолев ещё 15–20 км к северу, силы 26-й дивизии с боем овладели Бирском – одним из ключевых пунктов обороны на правом крыле Западной армии. Благодаря обозначившейся фланговой поддержке со стороны войск Эйхе, выдвинувшихся далее на рубеж д. Дмитриевская (слобода)⁸⁶ – д. Зуево – с. Бурново⁸⁷ (с юга на север)⁸⁸, 25-я стрелковая дивизия Чапаева уже 9 июня заняла Уфу, что означало, по сути, завершение контрнаступления Южной группы армий.

Таким образом, важнейшей предпосылкой успеха Уфимской операции стало несанкционированное, самовольно принятое Эйхе решение о форсировании 26-й стрелковой дивизией Белой (4 июня): «Этот частный успех, достигнутый благодаря героизму и разумной инициативе, имел большое значение для последующего хода событий»⁸⁹. Последствия этого решения оказались неожиданными для Эйхе. Тухачевский не только не подверг его самовольному началу мерам дисциплинарного воздействия, но, напротив, ходатайствовал перед фронтовым командованием о его награждении. В результате Эйхе был отмечен Особой наградной грамотой РВС Республики как начальник «26-й стрелковой дивизии за успешное форсирование реки Белой, разгром и пленение частей армии Колчака и овладение районом г. Бирска /Бирская операция/»⁹⁰ и орденом Красного Знамени в соответствии с приказом РВС Республики № 175 от 18 августа 1919 г.⁹¹ Важно отметить, что в этом приказе при перечислении заслуг Эйхе прослеживается связь между его личными действиями и общим оперативно-тактическим успехом войск Южной группы в начале июня⁹². Кроме того, начдив получил знак ордена за № 96 и вошёл в почётную первую сотню краснознаменцев⁹³.

Орденом Красного Знамени был отмечен и Чапаев, начальник соседней 25-й стрелковой дивизии Туркестанской армии (в соответствии с приказом РВС Республики № 137 от 14 июля 1919 г.). Это событие, ставшее одной из составляющих личностной мифологизации военачальника, в советской историо-

⁸² Ныне с. Старопетрово Бирского района РБ.

⁸³ В состав ударной группы под общим руководством командира III Уральского горных стрелков корпуса генерала В.В. Голицына вошли 21-й Челябинский, 22-й Златоустовский, 25-й Екатеринбургский, 26-й Шадринский, 28-й Красноуфимский горных стрелков полки.

⁸⁴ Цит. по: *Болтин Е.А.* Контрнаступление Южной группы Восточного фронта... С. 110.

⁸⁵ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 1374, л. 4 об.

⁸⁶ Ныне д. Дмитриевка Благовещенского района РБ.

⁸⁷ Ныне с. Старобурново Бирского района РБ.

⁸⁸ Исторический очерк 27-й Омской стрелковой дивизии РККА. С. 59.

⁸⁹ История гражданской войны в СССР. 1917–1922. Т. 4. С. 115.

⁹⁰ Новосибирский государственный краеведческий музей, ед. хр. НВ-14924/124, л. 2.

⁹¹ Красные герои. Список участников гражданской войны, награждённых орденом «Красное Знамя». Вып. 1. Пг., 1920. С. 36; Сборник лиц, награждённых орденом Красного Знамени и Почётным революционным оружием. М., 1926. С. 286.

⁹² Подробнее см.: ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 44, д. 202, л. 51.

⁹³ Там же, оп. 87, д. 289, л. 173.

графии неизменно отмечалось как один из его последних «триумфов». Однако из более детального ознакомления с формулировкой приказа о награждении Чапаева следует, что ему определённо были приписаны заслуги и успехи частей, не находившихся под его руководством, в первую очередь 26-й стрелковой дивизии Эйхе. В документе указывалось, что Чапаев «в дни катастрофического положения Самары, когда противник отстоял от неё в двух переходах... с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугуруслан; настойчивыми стремительными ударами и искусными манёврами он остановил наступление противника и... овладел городами Бугурусланом, Белебеем и Уфой, чем и спас Среднее Поволжье»⁹⁴.

Приведённая выше формулировка, обозначенная, видимо, ещё в ходатайстве Фрунзе в адрес РВС Республики, не выдерживает критики. В сущности она характеризует скорее деятельность начдива Эйхе, благодаря усилиям которого красные взяли Бугуруслан. Этому, собственно, и предшествовала приостановка силами 26-й дивизии наступления белых на двух ключевых операционных направлениях Южной группы армий – бугурусланском и сергиевском. Следует также отметить, что взятие Белебея, приписанное Чапаеву, также не имело прямого отношения к его войскам. 17 мая эту задачу осуществила 31-я стрелковая дивизия Туркестанской армии. Однако эти очевидные (при более детальном исследовании) факты истории Гражданской войны долгие годы вольно или невольно не принимали во внимание.

События контрнаступления Южной группы армий явились для Эйхе временем раскрытия его профессиональных и личных качеств как талантливого военачальника. В этом смысле ожидания командарма Тухачевского, связанные с назначением Эйхе на пост начдива, всецело оправдались. Проявив выдающиеся организаторские способности, начальнику 26-й стрелковой дивизии удалось в крайне сжатые сроки (16–28 апреля) привести в порядок её деморализованные силы, придать им накануне операции боевую устойчивость. В ходе дальнейших крупномасштабных военных действий начдив в высшей степени грамотно организовал боевое применение вверенной ему группы войск в три–четыре бригады, что стало важнейшим фактором оперативного успеха действий Южной группы армий в апреле–июне 1919 г. Награждение Эйхе несколькими знаками отличия по итогам этой операции – бесспорный показатель признания его военно-управленческого мастерства. Вместе с тем уже во время Гражданской войны были заложены основы искажённого видения его деятельности в должности начальника 26-й стрелковой дивизии, чему способствовала неадекватная оценка его достижений в период контрнаступления. Успехи Эйхе в значительной мере были перенесены на личность «несравненного героя»⁹⁵ начдива Чапаева, что стало возможным благодаря гипертрофированной оценке его заслуг со стороны Фрунзе.

⁹⁴ Цит. по: *Болтин Е.А.* В.И. Чапаев // Военно-исторический журнал. 1940. № 1. С. 103.

⁹⁵ Оценочное суждение Фрунзе, высказанное им в 1920 г. (М.В. Фрунзе на Восточном фронте. С. 211).